

В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧ

О НЕКОТОРЫХ РЕФЛЕКСАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ
«ЛАРИНГАЛЬНЫХ» В ПРАСЛАВЯНСКОМ¹

Рассмотрим интонационные отношения в следующих категориях славянского глагола: в презенсе на *-o/e-* (по классификации А. Лескина) и соответствующем ему инфинитиве, с одной стороны, и в презенсе однокоренных глаголов на *-ī-* и соответствующем инфинитиве, с другой. Как известно, два славянских презенса отражают, соответственно, индоевропейский тематический презенс (в этот тип переведен и ряд коренных глаголов) и презенс итеративных или каузативных образований на *-ei(e)-*². Инфинитивы на **-tī* являются славяно-балтийским новообразованием.

Чтобы определить интонационную характеристику отрезка, следующего за корнем (в плане индоевропейской реконструкции) в этих категориях, возьмем глагольную пару **vedō, vedešī...; *vesti — *vodjō, vodiši...; *voditi*, где интонационная характеристика корня (**ved-*) нам известна: *-ē-* обуславливает так называемую циркумфлексную интонацию (или, точнее, отсутствие интонации)³.

Презенс «определенного» глагола **vesti* проводит окситонезу во всей парадигме: **vedō, vedešī, vedětъ* и т. д. Отсюда, естественно, не следует, что все личные окончания представляли акутовые отрезки, «перетягивающие» ударение с предыдущего слога, и тем более не следует, что таковыми являлись окончания, представленные праславянским (ср. краткое *e* в *-eši, -e [tъ]* и т. д. и литов. тип 3-го лица ед.-мн. числа *dēga, 1—2-го лица мн. числа dēgame, dēgate* без передвижения). Гораздо вероятнее, что в окончаниях славянского презенса (по крайней мере в окончаниях 1—2-го лица ед. числа) мы имеем относительно позднюю замену окончаний тематического типа (отраженных для 1-го лица ед. числа литов. *-ū*, греч. *ω*, лат. *-ō < *-ō*, для 2-го лица ед. числа, возможно, литов. *-ī < *ēi* и греч. *-εις*). Подобную замену подтверждает славянское окончание 1-го

¹ На материале глагольных корней типа АЕА, где А — любой неслогообразующий звук (так называемые «легкие корни»), и корней типа АЕУZ, где Е — гласный *e* или *o*, У — сонант, Z — звук типа *ə* («корни *sef*»). Таким образом, не будут рассмотрены, например, слав. **nesp* (сопоставимое с греч. *νευχεῖν*), **bredp* или **bledp, *vbrgo*. Другие ограничения указываются по мере рассмотрения материала. В статье даются реконструкции двух видов: 1) праславянские формы перед разделением праславянского; 2) ранние праславянские или, точнее, диалектные индоевропейские формы. В квадратных скобках помещается часть реконструируемой формы, восстанавливаемая условно, т. е. не равнозначная хронологически остальной реконструкции.

² Это одна из редких в индоевропейской глагольной системе форм с регулярной огласовкой *-o-* (ср. еще перфект, не засвидетельствованный в праславянском как категория). Та же огласовка — в производных именах с основами на *-o-* и *-a-*. Все эти три образования связаны друг с другом и, говоря упрощенно, представляют собой своеобразную «номинально-глагольную» систему внутри «чисто глагольной» (огласовка *-e-*). Ср. сводку мнений о перфекте как «категории состояния» в статье А. Н. Савченко «Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке» (ВЯ, 1955, № 4); см. также С. Н. Stang, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942, стр. 7—12, 23—29.

³ Ср. J. Kuryłowicz, *L'accentuation des langues indo-européennes*, Kraków, 1952, стр. 199.

лица ед. числа \bar{v} , представляющее контаминацию $*\bar{o}$ и $*-m(i)$. Ударение или «вспомогательная фонема», по выражению Е. Куриловича, сохраняет при такой замене прежнее место, что представляет обычный в языке процесс. Следовательно, $*ved\bar{v}$, $ved\bar{e}\bar{s}i$ отражают первоначальную акутовость слога, следующего за корнем, в то время как $*ved\bar{e}[t\bar{s}]$, $ved\bar{e}m\bar{s}...$ являются результатом распространения окситонезы на всю парадигму по аналогии с 1—2-м лицами ед. числа (чего нет в балтийском)¹.

В данном случае для нас важен, впрочем, не первоначальный характер окончания, а лишь его засвидетельствованная интонационная характеристика: результат аналогии $*ved\bar{e}m\bar{s}$, например, для нас заключает такой же «условно акутовый» отрезок $*-em\bar{s}$, как и $*-\bar{v}$ в $*ved\bar{v}$.

Слав. $*vesti$ показывает, что $*-ti$ инфинитива также представляло акутовый отрезок. Здесь, однако, славянскому типу противостоит литов. $v\bar{e}\bar{s}ti$ (с диалектными литовскими и латышскими формами, указывающими на параллельный тип $*ve\bar{s}ti$). Чтобы объяснить такое несоответствие, А. Мейе принимает, что литовский инфинитив развился из основ на $-t$, славянский — из основ на $-ti$ (дат. падеж); Х. Станг и Я. Эндзелин осложняют эту гипотезу предположением, что в основу засвидетельствованных форм лег частично и локатив основ на $-ti$ ($*-t\bar{e}i$ в противоположность $*-t\bar{e}i$ в дат. падеже)². Однако по самой своей природе (застывшая форма падежа) инфинитив предполагает единый исходный тип с определенной функцией. Таким исходным типом были образования на $*-t\bar{e}i$ «акутированное» (условно $*-t\bar{e}i$). $*-t\bar{e}i$: могло оказаться под ударением лишь в категории, отражаемой слав. $*vesti$ (корень АЕХ, где Х — взрывной звук); во всех остальных случаях (корни АЕУ, АЕУЗ), как будет показано ниже, $*-t\bar{e}i$: не могло нести ударения фонетически, а безударное $*-t\bar{e}i$: подверглось редукции, характерной для конца слова. Преобладание типа с безударным окончанием дало толчок к аналогическим преобразованиям: $*ved\bar{t}\bar{e}i$: (слав. $*vesti$, литов. диал. $ve\bar{s}tie-s$) дает литов. $v\bar{e}\bar{s}ti$ параллельно $p\bar{i}nti$, $mat\bar{y}ti$ и т. п. Такой же процесс, не прекращаясь, идет в славянских языках: ср. русск. диал. $vest\bar{t}$, $mes\bar{t}$ и литературные $pe\bar{c}h$, $se\bar{c}h$ (др.-русс. $pe\bar{c}h$ и т. п.) или чешский тип $m\bar{e}sti$, $v\bar{e}sti$, $p\bar{e}ci$, параллельный $z\bar{i}ti$, $p\bar{i}ti$ и т. п.

В презенсе «неопределенного» глагола $*voditi$ имеем 1-е лицо ед. числа $*vodj\bar{v}$ при 2—3-м лицах ед. числа $*vod\bar{i}\bar{s}i$, $v\bar{v}di [t\bar{s}]$ и т. д. (русс. $vo\bar{z}j\bar{v}$ — $v\bar{v}di\bar{m}$, $v\bar{v}di\bar{m}...$, серб. $v\bar{v}di\bar{s}...$)³, что ясно указывает на «неакутовый» характер \bar{i} - < $*-ei$ -. Однако в инфинитиве $*-ei$ - указывает на акут ($*vod\bar{i}ti$). А. Мейе делает отсюда вывод, что $*-ei$ - (\bar{i} -) инфинитива и презенса — различного происхождения; для объяснения движения ударения в парадигме презенса он разрабатывает сложную теорию глагольной метатонии нефонетического происхождения⁴.

¹ Мы, таким образом, принимаем фонетическое начало процесса в отличие от Е. Куриловича (см. его «L'accentuation...», стр. 509), приписывающего тематическим глаголам чисто морфологическое распространение окситонезы. Этому противоречит тип $*\bar{t}\bar{a}j\bar{v}$, $\bar{t}\bar{a}j\bar{e}\bar{s}i...$, объясняющийся фонетически.

² См. А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 194; С h. S t a n g, указ. соч., стр. 97; J. E n d z e l i n, Lettische Grammatik, Riga, 1922, стр. 709—710.

³ Следует отметить, что этот первоначальный тип ударения, сохраняющийся в итеративах, был изменен в каузативах. Ср. подробнее С h. S t a n g, Sur l'accentuation des verbes causatifs et itératifs en slave, «Norsk tidsskrift för sprogvidenskap», bd. 16, Oslo, 1952, стр. 263—270.

⁴ См. А. Мейе, указ. соч., стр. 191, 145—147. Э. Френкель (E. F r a e n k e l, Zum baltischen und slavischen Verbum, ZfSlPh, Bd. XX, Hf. 2, 1950, стр. 249—250) вслед за В. Махком пытается объяснить ударение славянских инфинитивов на $*-iti$ влиянием причастий на $-l$ (русс. $vo\bar{d}i\bar{t}i$ под влиянием $vo\bar{d}i\bar{l}$, $-a$, $-o$). Неясно, однако, чем обусловлен соответствующий балтийский тип (литов. $mat\bar{y}ti$), ведь в балтийских языках прилагательные на $-l$ не были вовлечены в систему глагола. Кроме того, возникает вопрос, как объяснить \bar{i} - «акутовое» в самих причастиях на $-l$?

Интонационная характеристика **-ei-* становится более ясной, если сопоставить «интонационную двойственность» этого отрезка с некоторыми явлениями славянских и балтийских языков. Для этого от рассмотрения корня **ued-*, представляющего тип корня АЕХ¹, перейдем к рассмотрению типа АЕУ (где У = *r, l, m, n*), т. е. аналогичного «легкого корня», но с исходом на сонант.

Здесь в презенсе наблюдается окситонеза, как и в типе АЕХ: от корня **rep-*, например, имеем **r̥p̥ŋ, r̥p̥n̥ěši...* (русск. *пну, пнешь*). Нулевой вокализм корня является славяно-балтийским (литов. *pinù, pinì*) нововведением, поскольку все остальные индоевропейские языки указывают на ступень *-e-* (как в типе АЕХ); ср. греч. *ἔπομαι* «работаю», арм. *hepo* «шью» от **rep-*. Однако этот тип имеет регулярную баритонезу в инфинитиве: **r̥eti* (серб. *r̥eti*); ср. литов. *pinti*². Высшее дело обстоит так, как будто **-ti* инфинитива теряет свой «акутовый» характер, будучи присоединено именно к корням на сонант. В действительности же переноса ударения на остающийся акутовым отрезок *-ti* не происходит в результате изменения интонации в предшествующем слоге: **pen + tei: > *pèn: | tei:* при **r̥p̥ŋ, *r̥p̥n̥ěši...*³ совершенно так же, как **uod + ei + tei: > *uod | èi: | tei:* при **vodj̥ŋ, vòdiši...* В типе же АЕХ **ued + tei:* сохраняется как **ued | tèi:*. Такие отношения не позволяют сделать иного вывода, кроме следующего: инфинитивному **-tei:* предшествовал (точнее, входил в него как первый элемент) какой-то звук, сообщавший предшествующему «краткому дифтонгу» акутовую интонацию, т. е. «удлинявший» его; этот звук выпадал после предшествующего взрывного; таким образом, приведенная выше формула должна выглядеть так: **pen + :tei: > *pèn: | tei:; *uod + ei + :tei: > *uod | èi: | tei:*; но **ued + :tei: > *ued | tei:*, поскольку корневой слог **ued-* не способен был «удлиниться» и стать акутовым.

Поскольку происхождение долгих дифтонгов из «кратких дифтонгов» + *ə* является установленным, остается заменить наше обозначение (:) обычным символом *ə* и восстановить формант славянского и балтийского инфинитива как *-ətei:*.

Мы приходим, таким образом, к объяснению «интонационной двойственности» **-ei-* в **voditi* — **vòdiši:*: отрезок **-ei-* не являлся акутовым и становился таковым в инфинитиве после прибавления *-ə* из *-ətei:*. В парадигме презенса не было метатонии.

¹ К этому же типу относятся корни: а) **deg-* (> слав. **geg-*): **žegt̥, žegŋ, žez̥ěši...* «жечь» (серб. *žēci, žēžem* и т. п.); ср. литов. *dēgti, degù*, др.-инд. *dāhati*; ступень *-o-* в отглагольных именах в литов. *dāgas* «огонь», *dagà* «урожай»; б) **met-*: **mest̥, metŋ ...«мести»* (серб. *městi, mētem*); ср. литов. *mėsti, mėtu* «бросать»; ступень *-o-* в литов. *matyti* «видеть», *atmata* «отбросы»; в) **pek-*: **pekt̥, pekŋ ...«ечь»* (серб. *pēci, pētem*); ср. литов. *kępti, kępù* (с перестановкой), др.-инд. *pācāti*; ступень *-o-* в **opoka* (русск. *опока*, серб. *opōka*); г) **tek-*: **tekt̥, tekŋ ...«течь»* (серб. *tēci, tēcem*); ср. литов. *tekù*, др.-инд. *tākti* (и *tākti*); ступень *-o-*: **točiti točŋ, toč̥iši...*, **tok̥* (русск. *мок*); ср. литов. *tākas* «тропа»; д) *tep-*: **teit̥, tepŋ ...«бить»* (серб. *tēpti, tēpem*); ср. литов. *tępti, tępi* «смазывать»; ступень *-o-*: **topiti, topj̥ŋ, top̥iši* (русск. *монать, молаю, молишь*), **ro-torp̥*, литов. *tapyti* «лепить из глины, снега»; е) **ueg-*: **vez̥ti, vezŋ* «везти»; ср. литов. *vėžti, vėžù*, др.-инд. *vāhati*; ступень *-o-*: **voz̥iti, vozj̥ŋ ...«возить»* (серб. *vòziti, vòžim*), **vož-*; ср. др.-инд. *vāhāyati*, греч. *ὄχος*.

² Аналогичные отношения в других глаголах с корнем типа АЕУ: а) **ten-*: **t̥eti, t̥nŋ* «бить» (словен. *tēti, t̃nem*); ср. литов. *t̃anti, t̃inù* «отбивать косу»; б) **men-*: **m̥eti, m̥nŋ* «мять» (словен. *m̃eti*); ср. литов. *m̃anti, m̃inù* «ступать»; в) **gen-*: **ž̥eti, ž̥nŋ* «жаты» (серб. *ž̃eti, ž̃nem*); обычно сближается с литов. *geñti, geñiù, lатыш. dzēñt* «срубать ветви с дерева»; г) **gem-*: *ž̃eti, ž̃nŋ* (серб. *ž̃em̃, ž̃eti* с *ŋ* в результате омонимического отталкивания от *ž̃eti — ž̃nem*); д) **ger-*: *ž̃erti, ž̃rŋ* «петь песнопения» (др.-русск. *жерети*; ср. *жрец*, как *жнец*); ср. литов. *g̃rti* «хвалить».

³ Х. Станг (указ. соч., стр. 116) объясняет это явление влиянием глаголов с акутом в корне («тяжелый корень»). Но почему же такие глаголы не повлияли на литовский тип *gĩiti, geñi* «гнать»?

*

Воспользуемся теперь тем, что интонационная характеристика элементов, следующих за корнем в рассматриваемых категориях, определена, и постараемся установить интонационную характеристику корня некоторых менее прозрачных образований в тех же категориях.

В презенсе тематических глаголов с регулярной окситонезой резко выделяется группа глаголов, проводящая баритонезу во всей парадигме. Это глаголы с корнем на долгий гласный, традиционно относимые к группе на *-je/-jo*¹.

1. *Aē-*: **sějō* (русск. *сёю*); ср. литов. *sėjū*; **dějō* (русск. *дёю, надёюсь* и т. п.); ср. литов. *dėmi*; **tějō* (русск. *затёю*); **čājō* (русск. *чаю*, серб. *čajem*); ср. др.-инд. *śāyati* «наблюдает»; *(*s*)*pējō* (русск. *спёю, уснёю*); ср. литов. *spėjū*.

2. *Aā-*: **bājō* (русск. *баю*); ср. греч. *φῆμι*; **lājō* (русск. *лаю*); ср. литов. *lōju*, др.-инд. *rājati*; **rājō* (русск. диал. *раю* «звучу»); ср. латыш. *rāju* «браню»; **mājō*¹ (русск. диал. *маю* «киваю, машу»); ср. литов. *mōju*; *(*s*)*tājō* (ст.-слав. *stajō*); ср. латыш. *stāju*, литов. *stōju*.

3. *Aō-*: **mājō*² (русск. диал. *маять, маю* «утомлять, умяться»); ср. др.-в.-нем. *mioen* «трудиться», греч. *μῦσθαι* «стремиться», *μῦλος* «утомительный труд».

Aā- или *Aō-* представляет **tājō* (русск. *таю*), не имеющее надежных индоевропейских соответствий. Все эти глаголы имеют акутированный корневой слог, что естественно для славянских долгих гласных.

Поскольку в презенсе «ступень удлинения» *e* или *o* невероятна (ср. только **ē*, *ā*, *ō* в этих корнях во всех индоевропейских языках, где они засвидетельствованы), остается предположить, что рассматриваемый тип корня представляет сочетание краткого гласного с удлиняющим и акутирующим *ə*. Какой же краткий гласный был здесь в корне? Принятие единого тембра *-e-* в презенсе неизбежно ведет к признанию трех различных звуков типа *ə*, как это сделал в свое время Ф. де Соссюр (и уточнил Г. Меллер) для аналогичных греческих типов презенса: *τίθημι* (*Aē-*), *ἵστημι* < **ι* *στᾶμι* (*Aā-*) и *δίδομι* (*Aō-*). Поскольку, однако, в последнее время неоднократно высказывается мысль, что *-ō-* и *-ā-* восходят к *o* + *ə* или *a* + *ə*², допустим наличие в рассматриваемом типе именно таких рефлексов.

Тогда, по-видимому, огласовка *-o(a)-* должна обнаружиться и в презенсе типов *AEX* и *AEY*. Действительно, в праславянском находим вокализм *-o-* в презенсе так называемых «*Verba des Schlagens*»³, образующих семантически связанную группу: **bortī*, *borjō* (русск. *бороть, борю*); ср. литов. *bàrti*, *barù* «ругаю»; **koltī*, *koljō* (русск. *колоть, колю*); ср. литов. *kàlti*, *kalù* «бью»; **portī*, *porjō* (русск. *пороть, порю*) и некоторые другие. Однако презенс этих глаголов обнаруживает любопытное явление: интонационно он согласуется не с типом **vedō*, *vedèši...*, а с презенсом глаголов на *-ī-*: **vodjō*, *vōdi ši...*, т. е. имеем: **borjō*, *bōresi...*, **koljō*, *kòlesi...* и т. д.

Известно, что в славянском и в балтийском пары вроде **vestī*, *vedō*... — **vodīti*, *vodjō*... находились в постоянном взаимодействии. В ряде случаев у глаголов, чаще всего у тех, которые по своей семантике близки к каузативам, каковыми и являются «*Verba des Schlagens*», ослаблялась их

¹ *-j-* здесь появляется при переводе корневых глаголов в тематический тип: греч. *φῆμι* — слав. **bājō*, греч. *τίθημι* — слав. **dějō*; таким образом, он выполняет функцию «устранителя зияния».

² Ср., например, L. Zgusta, La théorie laryngale, AO, vol. 19, 3—4, 1951, стр. 469—470; В. Я. Ч. В. Иванов, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, «Вестник МГУ», Ист.-филол. серия, 1957, № 2, стр. 44. Е. Нурилович (см. «L'arophonie...», стр. 392) также допускает первоначальный вокализм *-o-*.

³ Ср.: J. Mikko, Urslavische Grammatik, Tl. III, Heidelberg, 1950, стр. 80; С. Н. Станг, указ. соч., стр. 39—43.

противопоставленность каузативам, после чего начиналось взаимодействие двух парадигм, приводящее к следующим результатам:

1) флексия типа **vedǫ*, интонация типа **vedǫ* — вокализм типа **vodjǫ*: **bostǫ*, **bodǫ*, **boděši*... «колоть» (болг. *bodà*, серб. *bòdem*); изменение вокализма в славянском, как показывает литов. *besti*, *bedù*;

2) флексия типа **vedǫ*, вокализм типа **vedǫ* — интонация типа **vodjǫ*: **mèliti*, **meljǫ*, **meleši*... (русск. *молóть*, *мелю*, *мелешь*...); литов. *malù*, *màliti* уже отражает соотношения следующего типа;

3) флексия типа **vedǫ* — интонация типа **vodjǫ*, вокализм типа **vodjǫ*: **bòrti*, **borjǫ*, **bòreši*..., **kòliti*, **koljǫ*, **kòleši*... и **mògti*, **mogǫ*, **mòžeši*... (русск. *мочь*, **могù*, **мóжешь*).

Таким образом, единственная группа глаголов с вокализмом -о- в презенсе оказывается вторичного и позднего происхождения. В противоположность этой группе, глаголы типов *Aā-* и *Aō-* не являются славянскими новообразованиями. Наконец, решающим доводом для принятия вокализма -е- в этих глаголах является сохранение соотносимых с ними глаголов на -ī- (что исключает причину контаминации!), показывающих своеобразное фонетическое развитие.

Каузативом к слав. **stāti*, **stānǫ*..., представляющему корень *(*s*)*tā-* (ср. литов. *stōti*, *stōju* без «инфиксации»), является **stāviti*, **stāvǫ*, **stāvīši*... (русск. *стáвить*, **стáвлю*, **стáвишь*...), и отношения **stāti* : **stāviti* повторяются везде, где засвидетельствована ступень -о- к глаголам с корнем *Aā-*, *Aō-*. В соответствии с **tājati*, **tājǫ* имеем **tāviti*, **tāvǫ*... (чеш., словацк. *taviti* «растоплять, плавить», чеш. *otaviti se* «отдыхать», словен. *otāviti* «освежать»), **tavǫ* (чеш. *tav* «расплавленная масса», словен. диал. *otāv* «освежение; оживление»; ср. также серб. *otavan* «мокрый, влажный» при словен. *otāvan* «молодой, сильный»), **otāva* [старое значение в русск. диал. (Сибирь) *otāva* «травя, оставленная под снегом»; серб. *otava*, словен. *otāva*, болг. *otāva* «травя, вырастающая после покоса»]; ср. также серб. *otav*, жен. род, «таяние». **lāviti*, **lāvǫ* к **lājati*, **lājǫ* предполагается сербским *lavež* «лай» (ср. серб. *godež*: *goditi*, *valež*: *valiti* и т. п.) и старосербским *lāva* «лай». В связи с этим закономерно сопоставить русск. диал. *рáять*, **рáю* «звучать» с русск. *орáва* (оба слова ограничены одним и тем же славянским языком, что во всяком случае вероятнее сопоставления А. А. Потебни со словом *реветь*, принимаемого М. Фасмером)¹.

Таким образом, полная пара **tājǫ* — **tāvǫ* и фонетически обуславливает невозможность контаминаций, аналогичных рассмотренным. Остается, следовательно, принять для корней *Aā-* и *Aō-* (и, естественно, *Aē-*) гласный тембра -е-, откуда вытекает наличие трех акутирующих звуков типа *ǝ*, обозначаемых здесь по традиции как *ǝ₁* (*Aeǝ₁* > *Aē*), *ǝ₂* (*Aeǝ₂* > *Aā*) и *ǝ₃* (*Aeǝ₃* > *Aō*).

Для корней *Aē* (*Aeǝ₁*) образование с огласовкой -о- будет отличаться от типа **aviti*, как об этом можно судить на основании единственной ясной пары: **-iǝǫ*

¹ Обращает на себя внимание также аномальная акцентуация в русском причастии на -л- от глагола *забыть*: *забыл*, *забыло*, *забыла* при *пробыл*, *пробыло*, *пробыла*, *убыл*, *убыло*, *убыла*, *пробыл*..., русск. диал. *дббыл*..., представляющих закономерное ударение для «тяжелых корней» определенного типа; ср. *прóжил*, *прóжило*, *прóжила*, *зáжил*..., *зáжило*..., *зáжила*... Если сопоставить это с необычной для корня **byti* семантикой и с наличием **baviti* со значением «развлекать» [что может быть и извлечением из **zavaviti*, как считает В. Махек (V. M a c h e k, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, стр. 27)]; чеш. *baviti*, польск. *bawić*, укр. *báviti*; ср. болг. *бавáчка* «няня», также не согласующимся с обычной каузативной (русск. *дóбавить*, *у-бáвить*..., *раз-бáвить*, болг. *за-бáвя* «замедлить») или итеративной (болг. *бáвя* «медлить», серб. *báviti se* «заниматься», польск. *bawić się* «заниматься») семантикой **baviti*, можно предположить, что **(za)baviti* «развлекать» первоначально представляло каузатив к **(za)bājati-bājǫ*, т. е. «заставить говорить» → «развлекать». Совпадение **baviti* к **byti* привело к замене **zabājati* «заговориться» → «забыть» на **zabyti*; следы такой замены сохраняет лишь русское ударение (*забыл*, -а, как *растáял*, -а).

(русск. *ватёю, ватёять*, т. е. «задумать что-либо в тайне») — **taǰь* (предполагаемое деноминативным русским *таб, таить* со значением итератива «держать что-либо в тайне»; ср. русск. *тайна, утайка*). Иными словами, если ε_1 , не изменяющее тембра *e*, не изменяет также и тембр *o* (слав. \bar{a}), то $\varepsilon_2, \varepsilon_3$, изменяющие в славянском ε в \bar{a} , т. е. обуславливающие более заднюю артикуляцию гласного, очевидно, действуют аналогичным образом и на *-o-*, что отражается как $\bar{a}\bar{v}$ ¹.

В инфинитиве разбираемых глаголов имеем регулярно **sějati*, **bàjati*, **màjati* и т. п., что обычно рассматривается как вторая (инфинитивно-аористная) основа на *-a-*. Если учесть, что это глаголы типа АЕЗ (где Z — звук типа ε), параллельного типам АЕУ и АЕХ, «второй основы» не представляющим, наличие ее именно здесь кажется сомнительным. Предпочтительнее объяснить эти формы фонетически, исходя из наличия форманта *-atei*: в инфинитиве: в формах **se*₁ + *atei*: > **sè*₂ ε | *tei*:, **be*₂ + *atei* > **bè*₂ ε | *tei*: и т. п. два «акутирующие» звука, стоящие за гласным, после своего (одновременного) ослабления должны были дать гласный (его тембр определяло первое ε) на одну мору дольше обычного долгого. Поскольку, однако, в славянском были лишь двучленные противопоставления по долготе, т. е. *e*: \bar{e} , *o*: \bar{a} , но не **e*: \bar{e} : \bar{e} и т. п., «сверхдлинное» *e* реализовалось как $\bar{e}\bar{j}\bar{e}$ -, сверхдлинное \bar{a} — как $\bar{a}\bar{j}\bar{a}$ ².

*

Рассмотренным инфинитивам противостоят инфинитивы типа **grěti*, **zrěti*, с анализом которых мы вступаем в область «тяжелых корней» (АЕУЗ). Презенс этих глаголов, так же как и инфинитив, указывает на «2-ю форму» корня (по Э. Бенвенисту): **grějǰ*, **zrějǰ* и т. п. отражают **gre*₁-, **gre*₁-, т. е. АУЕЗ. Такое состояние является славянским нововведением, как показывает, например, греч. $\delta\acute{\epsilon}\rho\omicron\mu\alpha\iota$ «мне жарко» в соответствии с **grějǰ* (ср. также ниже балтийские соответствия славянским формам). Перестановка **ger*₁-> **gre*₁- в диалекте, легшем в основу праславянского, подтверждается различием инфинитивов **grěti* и **sějati*³. Если бы **gre*₁- было такой же исконной формой, как **se*₁-, мы бы имели **grějati*⁴.

¹ А. Мартине, принимая данную Е. Куриловичем характеристику ε_3 как звука лабиовеляризованного, во многом параллельного **k^h*, предполагает, что ε_3 + *o* (*o* — любой гласный) > $\bar{a}\bar{u}$ о (лат. *octāvus*), ε_3 + *t* (*t* — неслогообразующий или абсолютный исход слова) > $\bar{a}\bar{t}$ (*ociō*) (см. А. Martinet, Non-apophonic *o*-vocalism in Indo-European, «Word», vol. 9, 1953, стр. 257; ср. также А. Martinet, Le couple *senex-senāius* et le «suffixe» *-k-*, BSLP, t. 51, fasc. 1, 1955, стр. 43). Следует, однако, отметить, что рефлекс типа $\bar{a}\bar{u}$ о- в изолированных словах, приводимых автором, допускается в равной степени исходное ε_3 -о- или ε_3 -о-, удачное же объяснение латинского «сакрального» *-u-* в перфекте на *-vi-* предполагает именно исходное ε_3 - (хотя впоследствии в эту категорию вошли формы с разной огласовкой: *sēvi* и т. п.). Совпадение и.е. \bar{o} - и \bar{a} - в славянском предполагает, по-видимому, сближение артикуляций ε_3 и ε_2 , так что рефлекс и.е. ε_2 + *o* в славянском не должен отличаться от рефлекса ε_3 + *o* ($\bar{a}\bar{v}$ -). В пользу такого объяснения говорит отсутствие $\bar{a}\bar{u}$ о < ε_2 -о в балтийском (литов. *lojā* «разговор») представляет ступень \bar{o} - к $\bar{l}\bar{o}\bar{i}$ т < $\bar{a}\bar{u}$ о-, так же как, например, др.-инд. *māyā* «обман, иллюзия» — ступень \bar{o} - к **me*₂-, поскольку там различались \bar{o} и \bar{a} , т. е. ε_3 и ε_2 .

² Но не * $\bar{e}\bar{j}\bar{e}$ - и * $\bar{a}\bar{j}\bar{o}$ -. В период ослабления звуков типа ε новый долгий звук равнялся двум линейным фонемам: *e* + :₁ (< ε); в связи с этим второй звук :₂ стал примыкать не к :₁, а к новому двойному звуку (*e* + :₁), поэтому возникающий «сверхдлинный» должен был равняться двум же «двойным» фонемам, т. е. (*e* + :₁): > (*e* + :₂): > $\bar{e}\bar{j}\bar{e}$ - и т. п.

³ Различие этих двух категорий четко ощущалось в праславянском как различие инфинитивов глаголов с начальной группой согласных, с одной стороны, и с одним начальным согласным, с другой. Поэтому **spěti*, **stati*, относящиеся, собственно, к типу АЕЗ (с «-s- подвижным»), трактовались как **grěti*, в то время как **vějati*, относящиеся к типу АЕУЗ (**eu*₁-; ср. греч. $\acute{\alpha}\eta\sigma\iota$), не отличалось от **sějati*.

⁴ Иными словами, рядом с **se*₁ ε | *tei*: [**s*(ε):(ε): | *tei*:] существовало еще **ger*₁ ε | *tei*: [**ger*(:)(: | *tei*], давшее **gre*(:)(: | *tei*: уже при **s*(ε):(ε): | *tei*:.

К описанному типу с перестановкой в «тяжелом корне», кроме *grēti, grējō, grėje-ši... (словен. grēti, grējem...), отражающего *ger₂₁-, относятся еще: а) *žrēti, žrējō, žrėješi... (словен. žrēti, žrējem, русск. *вредю*); ср. др.-инд. *jarati* «стареет»; б) *tel₂₁-: *tlēti, tlējō... (польск. *tleć, tleje*, русск. *тлѣю*); ср. литов. *tlūti, tylū* «прекратить говорить», латыш. *tlūt* «размякнуть» (о льне); в) *per₂₁-: *prēti, prējō (польск. *przeć, przeje*, русск. *прѣю*); г) *mer₂₁-: *mrēti, mrējō... (русск. диал. *мрѣю* «мерцать»); д) *ker₂₁-: *krēti, krējō... (болг. *крѣа* «чахнуть», чеш. *okřáti* «выздороветь»); е) *sem₂₁-: *smēti, smějō... (серб. *smēti, smēm*, русск. *смѣю*); ж) *uer₂₁-: *vrēti, vrējō... (русск. диал. *вреть, врѣю* «быстро запотевать»); ср. литов. *virti, vėrdū* «бурлить, кипеть»¹; далее с *ə*₂ или *ə*₃: з) *pel₂₋₃-: *plāti, plājō... (чеш. *plāti, plaji* «шлытать»)²; и) *uel₂₋₃-: *vlāti, vlājō (чеш. *vlāti, vlaji* «волноваться», русск. церк.-слав. *вляяться, невляемое пристанище* «надежная гавань»); ср. литов. *vėlti, vėliū* «вляяться»; к) *žen₂₋₃-: *znāti, znājō (русск. *знāю*); ср. литов. *ražinti*, др.-инд. *jānāmi*³.

Отчетливо характеризуется ступень -o- в корнях этого типа; здесь имеем: *vrēti — *variti⁴ (серб. *vāriti*, русск. *варитъ*), *varz (болг. *вар* «известь», ст.-слав. *varz* «жара»); *prēti — *pāriti (серб. *pāriti*, русск. *пāритъ*), *parz (русск. *пар*), *pāra (болг. *pāra* «пар», русск. *опāра*); *mrēti — *māriti (русск. диал. *мāритъ*), *marz (русск. диал. *мар* «жара, сухой туман», ср. *мāрево*; болг. *мараня, омāра* «сухая жара»); *grēti — *garz (русск. *гар*, *загар*); *vlāti — *valiti (словен. *valiti*, русск. *валитъ*), *valz, *vāla* (русск. *вал, увāл*, серб. *obala* «берег»); *plāti — *paliti (серб. *pālititi*, русск. *палитъ*), *palz (русск. *занāл* и т. п.). «Ступень удлинения» o в этом типе — результат наличия акутирующего звука после сонанта.

Регулярность такого рефлекса⁵ позволяет предположить, что слав. *kāra (русск. *кара*), например, представляет не «аблаут» к *koriti «копнуть» (как думает М. Фасмер), а отражает ступень -o- к упоминавшемуся *krēti «чахнуть»; в слав. *samz «сам» (ср. авест. *hama-, hāma-*, др.-инд. *samās* «тот самый»⁶) можно видеть такое же образование к *smēti. Число подобных случаев может быть увеличено⁷.

Здесь уместно резюмировать вопрос о связи звуков типа *ə* (по традиции «ларингальных») со славянской интонацией в рассмотренных выше категориях. По-видимому, рассмотренный материал не противоречит известной теории о том, что акутовость слога в славянском (и балтийском) связана с присутствием в нем «ларингального»⁸. Однако это положение

¹ *vrēti, vrējō, vrėješi (серб. *vrēti, vrēm*, болг. *вря, врши* и т. д.) представляет так называемый «глагол состояния» на -ē/i- от того же корня и относится к *vrēti, vrējō... как *gorēti, gorjō, gorėješi... — к *grēti, grējō или *stojāti, stojō, stojēši — к *stāti.

² Ср. *polēti к *plāti, как *gorēti к *grēti.

³ Перестановка *žen₂₋₃->*gne₂₋₃- в этом корне, в отличие от предыдущих, широко представлена в других индоевропейских языках; ср. лат. *gnāvi* и т. п.

⁴ Здесь и в ряде других глаголов ударение по типу *vodjō, vōdiši... аналогичное (ср. *pāriti, pārijō...).

⁵ Сопоставление *toliti (русск. *толитъ*) с *tlēti (см. словарь М. Фасмера) не удовлетворяет семантически (ср. серб. *tālititi se* «расплавляться»).

⁶ Представляющее *somz-, как показал Ф. Кэппер (F. K u i p e r, *Vedic sādhiḥ-: sadhāstha- and the laryngeal umlaut in Sanskrit, Acta orientalia*, vol. XX, pars 1, 1946, стр. 35) на основании «ларингального умлаута»: др.-инд. *simā-—samā-*.

⁷ Так, например, отношения *kalz : *kolēti (русск. *околѣть*) заставляют думать об исходном *kalz : *kolēti (koljō) : *klēti (klējō), параллельном *garz : gorēti : grēti. Наличие в праславянском *kōliti, koljō «колоть» привело к созданию контаминированного *kolēti, kolējō; *maniti: mñēti предполагает существование *mñēti, mñējō от *men₂₁- (ср. греч. μέννυμαι).

⁸ См. A. Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves*, t. I, Paris, 1950, стр. 241—246; кратко об этом W. L e h m a n n, *Proto-Indo-European phonology*, Austin, 1952, стр. 31.

нуждается в некоторых уточнениях, которые необходимо внести, в первую очередь, в связи с анализом глаголов типа **bьrāti, berǝ, berèši...* («со второй основой на -а»).

Окситонеза в презенсе этих глаголов и ступень -о- типа **borǝ* резко отделяют их от группы АЕУZ, где Z — акутирующий звук. Противопоставление же презенса **berǝ* — **rьnǝ* и инфинитива **bьrati* — **peǝti* не позволяет идентифицировать их с «легкими корнями» (АЕУ), так как в этом случае ожидалось бы **bèrti, bьrǝ...* В то же время сходство инфинитивов **bьrati* и **znati* указывает на наличие какой-то перестановки, возможной лишь в типе АЕУZ, Z которого, однако, не акутирующий, как указывает парадигма презенса. Обозначим звук такого типа как *ǝ'*, в отличие от акутирующих *ǝ*. Формы инфинитива и презенса будут соответственно **berǝ' + atei*: > **berǝ'ǝ|tei*: и **berǝ'-[ǝ, èši...]*. Как показывает рассмотренная выше перестановка АЕУZ > АУЕZ (Z=ǝ), акутирующее *ǝ* может «перетягивать» к себе гласный отрезок. В рассматриваемом типе такой процесс может произойти лишь в инфинитиве, где **berǝ'ǝ|tei*: закономерно дает **brǝ'ǝ|tei*:, отражаемое в славянском как **bьrāti¹*, в то время как в презенсе **berǝ'-[ǝ, èši...]* условий для такой перестановки нет.

Кроме **bьrāti, berǝ, berèši...* (ср. др.-инд. *bhárati*, греч. φέρω «несу»), такой тип представлен следующими глаголами: а) **genǝ'*: **gьnǝti, ǝenǝ...* (чеш. *hnǝti, ǝenu*); ср. греч. θένω «убиваю»; ступень-о-: **gonǝti, gonǝǝ* (болг. *gǝnǝ*), **gonǝ* (др.-русск. *гонь* «мера площади»); ср. литов. *ganýli* «насти, беречь», *gǝnas* «настух (табуна)», *paganǝ* «настьба»; б) **perǝ'*: **pьrǝti, perǝ...* «бить (вальком), стирать» (серб. *prǝti, perem*, но болг. *perǝ*, словацк. *perèš*); в) **serǝ'*: **sьrǝti, serǝ*; ступень-о-: **sorǝ* (русск. *сop. copǝtǝ*); г) **(s)telǝ'*: **stlǝti* (**stelǝǝ* вместо **stelǝ* под влиянием **stoliti*); ступень-о-, очевидно, в **stolǝ*.

Обратим внимание на интонацию соответствующих литовских инфинитивов: **gьnǝti (ǝenǝ)* отвечает литов. *gĩnti (genũ)* «гнать», **pьrǝti (perǝ)* — литов. *peĩti (periũ)* «бить вальком, купать» и **bьrǝti (berǝ)* — литов. *beĩti (beriũ)* «рассыпать»². Такие отношения позволяют нам разобраться в следующих более сложных случаях:

1. В соответствии с русским *драть, дерý...*, ст.-слав. *drǝti, derǝ...*, предполагаемыми **derǝ'* (**dьrǝti, derǝ*), имеем разноречие в других славянских языках: серб. *drijǝti, dǝrem*, словен. *dřǝti, dǝrem* как будто указывают на **derti, derǝ*, а польск. *drzeć, drę*, в.-луж. *drjeć, dru* — на **derti, dьrǝ*. Все это наводит на мысль, что мы имеем дело с двумя корнями: а) **derǝ'* (**dьrǝti, derǝ*); б) **der* (**dǝrti, dьrǝ*), контаминация которых представляют сербские и словенские формы. Это предположение подтверждается наличием в чешском языке обеих форм, различающихся и семантически: чеш. *drǝti, deru* «срывать, дǝргать» и *dřǝti, dru* «сдирать кожу, шкуру». В остальных славянских языках эти значения совмещаются в одном глаголе. То, что перед нами действительно два разных корня, подтверждает наличие при литов. *dĩti (derũ и diriũ)*, уже знакомом нам типе инфинитива, совмещающем те же значения, что и славянский глагол, параллельной формы *dĩti*, причем только эта параллельная форма возможна в сочетаниях вроде *lauka (dirva) dĩti* «пахать поле, ниву». Эта форма, таким образом, соответствует слав. **derti, *dьrǝ* «сдирать кожу, шкуру» (литов. собственно «сдирать, раздирать верхний почвенный слой»), а слав. **dьrǝti, derǝ* имеет закономерную параллель в литов. *dĩti*.

2. Аналогичную двойственность отражает **ǝrǝti, ǝerǝ* (чеш. *ǝrǝti, ǝeru*, словацк. *ǝrǝt', ǝerem*), противостоящее *ǝerti, ǝьrǝ* (ст.-слав. *poǝrǝti, poǝьrǝ*, словен. *ǝrǝti, ǝrem*, польск. *ǝreć, ǝre*, ст.-чеш. *ǝrieti, ǝru*). Контаминированное **ǝrǝti, ǝro* представляет русск. *жрать, журу*; много рода контаминация в сербских формах *ǝderǝti, ǝdǝrem*. Все приведенные формы совмещают значения «есть» и (в различной степени) «пить» (ср. русск. *нажрǝтǝсья* «упиться»). В данном случае решение вопроса дает лужицкий материал: в.-луж. *ǝrać, ǝeru*, н.-луж. *ǝraś, ǝeru* «жрать» < **ǝrǝti, ǝerǝ*

¹ Разница в структуре между **brǝ'ǝ|tei*: (**bьrāti*) и **greǝ₁|tei*: (**grǝti*) свидетельствует о том, что **gerǝ₁-* > *greǝ₁-* (в инфинитиве и презенсе) произошло раньше, чем **berǝ'-* > *brǝ'e-* (в инфинитиве).

² Сближение Э. Германа, принимаемое Э. Френкелем (см. «Litauisches etymologisches Wörterbuch», Heidelberg, 1955, стр. 40) и нерешительно М. Фасмером.

(*gera'-) ¹ при в.-луж. *žrjeć*, *žru*, н.-луж. *žreš*, *žru* «лакать, пить» < *žerti, žbro (*ger-). Таким образом, только *žerti «пить» может быть сопоставлено с литов. *gėrti*, *geriù* «пить», в то время как *žbràti, žerð можно сблизать лишь с греч. βιβρώσκει «жру», лат. *vorò* «пожираю» и, может быть, др.-инд. *giráti* «проглатывает».

Отсюда ясно, что славяно-балтийские отношения *gǝnati : giñti являются не случайными, а характерными для глаголов с корнем типа АЕУэ'; они противопостоятся как отношениям *žeti : giñti типа АЕУ, так и отношениям *vrēti : vīrti типа АЕУэ. Балтийские языки, не знающие перестановки в инфинитиве, не могли противопоставить там типы АЕУ и АЕУэ: если в литов. *giñti* < *gǝnətei: ² акут объясняется влиянием -ə из -ətei: инфинитива, то в литов. *vīrti* < *uǝrəǝ | tei: он отражает -ə₁-корня. Напротив, тип АЕУэ' должен был отличаться от предшествующих двух интонационно: в *giñti* < *genə'ə | tei: акутирующему ə предшествовал неаккутирующий ə'; в период падения «ларингальных» это помешало акутированию слога, и в то же время ударение не могло быть перенесено на следующий отрезок, поскольку слог содержал -ə-. В результате имеем литовский циркумфлекс.

*

Вернемся еще раз к инфинитиву *bǝrati < *brə'ə | tei:. Он, как и все другие инфинитивы глаголов типа АЕУэ', указывает на -a- перед -ti. Тембр -a- возник, следовательно, в сочетании -ə'eə- (предполагать -ə'oə- при *berǝ... < *berə'-, т. е. при -e- в формах, где не было перестановки, не реально). Заманчиво было бы предположить, что ə, удлиняя -e-, одновременно сообщает ему тембр -ā-, т. е. что -ə- в -ətei: представляет ə₂ или ə₃. Существует, однако, возможность, что тембр гласному придает -ə'-, предшествующее ему. Решение этого вопроса связано с анализом еще одного типа презенса.

Слав. *mǝrti, mǝrǝ, mǝrǝšǝi ... (серб. *mrijēti*, *mǝrǝm*, русск. *мерѣть*, *мру*), представляющее, на первый взгляд, *mer- рассмотренного нами типа АЕУ, соответствует литовскому *miñti* (*mirštu*, *miriaũ*) вместо ожидаемого *mirti. Такое соответствие не является случайным, как показывает ударение причастий на -l- от приставочных глаголов с этим корнем в русском *умер*, *умерла*, *замер*, *замерла*, *помер*, *померла* (схема: ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪), противостоящее ударению типа АЕУ в этой же категории: русск. *прижál*, *прижála*, *нажál*, *нажála*, *зажál*, *зажála*...; *примял*, *примяла* ... и т. п. (схема ∪ ∪ | ∪ ∪ ∪). Литов. *miñti*, параллельное *giñti*, предполагает корень типа АЕУэ' ³; славянское же *mǝrti*, противостоящее *bǝrati-заставляет думать о двух звуках типа ə', обуславливающих такое противоположение.

Естественно предположить, что если звуков типа ə' несколько, то они должны различаться по тембру, сообщаемому соседней гласной, так же как звуки типа ə. Один из них, очевидно, сообщает соседнему e от-

¹ Что представляет выравнивание < *gǝrati, žerǝ... (ср. *gǝnati*, *ženǝ*...). Перестановка *gerə'-> *grə'e, *genə'-> *gnə'e-, как, естественно, и более ранняя перестановка *gerǝ₁-> *greǝ₁, *kerǝ₁-> *kreǝ₁- (*grēti, *krēti), проходила до первой палатализации.

² Мы отвлекаемся от нулевой ступени (*ir*, *in* и т. п.), реально представляемой литовским, поскольку она отражает, с одной стороны, активный процесс выравнивания вокализма инфинитива и презенса, с другой, связана с противопоставлением по переходности — непереходности (ср. С. Н. Станг, указ. соч., стр. 98).

³ О том же свидетельствует и ударение русских причастий. Если корень *gem- дает «акутовый» слог в русск. *нажál*, *нажála*, значит -l- причастия в действительности представляет -əl-. Если же русск. *умер*, *умерла* указывает на коренной слог без акута, то это объясняется тем, что перед -əl- находилось неаккутирующее -ə'-.

тенок *o* (не удлиняя его), другой сохраняет его как *e*¹. Звук тембра *e* (условно *Q*) не изменял качества как соседнего *e*, так и соседнего *o*; поэтому одновременно с началом его ослабления он должен был ассоциироваться с «нулевой фонемой» ($EQ = e$, $OQ = o$, $QE = e$, $QO = o$), откуда следует, что корни типа АЕУQ должны быть отражены в языке максимально близко корням типа АЕУ, что мы и имеем в инфинитиве **měrti* и презенсе **mьrǫ*, во всем подобным **pěti* и **рьпǫ*². Звук же тембра *o* обладал рядом различительных черт, отличавших его от нулевой фонемы при ослаблении (главные: $\partial'e > o$, $e\partial' > o$), поэтому он и после ослабления мог дольше сохраняться в качестве самостоятельной фонемы. Перестановка в типе **bьrati* отвечает именно такому состоянию. Здесь, следовательно, можно восстановить ∂' тембра *o*. В соответствии с ∂_1 и ∂_3 обозначим ∂' -звуки как ∂'_1 (**merǎ'_1*-) и ∂'_3 (*berǎ'_3*-).

Из изложенного следует, что возникновение тембра \bar{a} в сочетании $\partial'e\partial'$ - в типе **bьrati* нужно объяснить влиянием предшествующего «неаккутирующего» ∂'_3 . Тембр же ∂ в $\partial'tei$: по-прежнему не поддается определению.

Тип АЕУ ∂_1 , кроме **merǎ'_1*-, засвидетельствован еще: а) **kenǎ'_1*:- **četi*, -*čьпǫ*... (серб. *рǫčeti*, *рǫčьп*, русск. *начать*, *начнǔ*); ср. русск. *начал*, латыш. *cītiēs* «бороться»; ступень -*o*- в **konь* (русск. *кон*, *важн*, *конѐц*); б) **perǎ'_1*:- **pěti*, *рьрǫ* (серб. *zǎprijeti*, *zǎpřьп*, русск. *перѣть*, *пру*, ст.-чеш. *přieti*, *pru*); ср. русск. *запер*, *заперад*, *отпер*, *отперад*; ступень -*o*- в **rogь* (русск. *вадр*).

Наконец, к этому типу относится слав. **jěti*, *ьтǫ* (ст.-слав. *vъzjeti*, *vъzьтǫ*, русск. *взять*, *возьмǔ*); ср. русск. *принял*, *принялǎ*, *обнял*, *обнялǎ* и литов. *ĩti*³. Это образование следует рассмотреть подробнее, поскольку оно позволяет восстановить корень со специфической структурой.

Если считать здесь слав. -*j*- протетическим звуком (ср. лат. *emo*, *emere*), корень нужно реконструировать как **emǎ'_1*:- **emǎ'_1\partial* | *tei* > **jěti*, литов. *ĩti*. В презенсе этот тип характеризуется нулевой ступенью; ср., например, **mьrǫ*, *-*čьпǫ*, где *r* и *n* становятся слогаобразующими между двумя неслогаобразующими (**mrǎ'_1* > **mǎ'_1* -). Позвогильно спросить, каким образом становится слогаобразующим -*m*- в **ьтǫ* (от которого может быть образован итератив **jimǎjǫ*, как от **mьrǫ* — **mirǎjǫ*). Если постулируемое **emǎ'_1*- на нулевой ступени может дать только **mǎ'_1[\partial]*, а никак не **mǎ'_1[\partial]*? В роли несовершенного вида к глаголу **jěti* в праславянском функционировал глагол **ьтǎti*, *jemjǫ*; ср. литов. диал. (j) *em̃*, латыш. *jēti*, *jētu*. Очевидно, он соответствует типу **bьrati*, *berǫ* (АЕУ ∂_3). Но если **jemjǫ* можно объяснить из **emǎ'_3*[- ∂], то как толковать **ьтǎti* (**emǎ'_3*- $\partial'tei$: после перестановки должно дать **mǎti*)?

Все становится на свое место, если принять, что в начале корня находился ларингальный звук неизвестного качества (∂ или ∂'), но известного тембра (*e*), т. е. ∂'_1 или ∂_1 : при инфинитиве * ∂'_1 (¹)*emǎ'_1\partial'tei*: тогда закономерно имеем презенс * ∂'_1 (¹)*mǎ'_3*[- ∂] > **ьтǫ*, инфинитив же * ∂ (¹)*emǎ'_1\partial* | *tei*: дает после перестановки * ∂'_1 (¹)*mǎ'_3* $\partial\partial$ | *tei*: > **ьтǎti*.

Точнее определить некоторые рефлексы ларингальных в начале корня позволяет слав. **orǎti*, *orjǫ* «пахать» [ст.-слав. *orati*, *orjǫ*, польск. *orać*, *orzę*, русск. диал.

¹ Теоретически допустим еще третий звук (тембра *a*). Однако особое положение \bar{a} в индоевропейской фонологической системе (ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 185), а также ряд соображений, выходящих за рамки рассматриваемой темы, заставляют принять только 2 звука ∂' тембра *o* и *e*.

² Совпадает и ступень -*o*:- **morǎti*, *morjǫ*, *mǎri ši*... (русск. *морить*, *морь*...), **morǫ* (серб. *mǎr* «смерть»).

³ В балтийских языках тип *mĩti*, отражающий АЕУ ∂_1 или АЕУ ∂_3 , представлен еще рядом глаголов; ср. *gĩti* «рожать», *reĩti* «подпирать», *žeĩti* «выгребать жар», литов. диал. *leĩti* «загадывать на будущее» (ср. К. Явнис, Грамматика литовского языка, Пг., 1908—1916, отд. II, стр. 176—177).

(северн.) *orǫb*, *orǫšь* (и *brǫšь*); **orǫp*, могущее отражать лишь вокализм -e- (принимать здесь вокализм -o- не позволяют индоевропейские соответствия с -a-: лат. *arō*, *arāre*, греч. ἄρω), противостоит **jemǫp* своим начальным ə тембра a или o (если отвлечься от индоевропейского материала, указывающего на -a-). Так как **orǫp* может быть лишь типом АЕУэ₃, в инфинитиве ожидали бы **əerə₃-ətēi* > **ərə₃ə|tēi*, т. е. **ǰrati* или, скорее, **rati* (ср. отсутствие начального -ǰ- в **orǫp* при **jemǫp*). Аномальное сохранение -o- в **orāti* стоит в связи с еще одной особенностью этого глагола: в типе АЕУэ₃ ожидается литов. **ar̃ti*, в действительности же имеем литов. *ar̃ti*, *ariū* (и латыш. *afu*, *ar̃t*; ср. литов. *gėrti* — латыш. *dzer̃u*, *dzer̃t*). Балтийские формы можно объяснить лишь акутирующим ə начальным (ə₂, как указывает и.е. a-): в **ə₂erə₃ə|tēi*: ə₃ не могло, таким образом, воспрепятствовать акутированию. Следовательно, перестановка в инфинитиве этого глагола в славянском не могла быть фонетической, как в **bǫrāti*, а лишь аналогической, поскольку структурно корень **ə₂erə₃* относился к АЕУэ₃. Это подтверждается формой **orāti* вместо **rati*: наличие перестановки (-āt̃i) и ударение инфинитива аналогично **bǫrāti* (ср. серб. *uzdrati*, *zadržati*, как *ubrali*, *sadržati*), однако полная ступень в первом слоге (ə₂e > o) сохранялась вопреки этой перестановке. Такое объяснение **orāti*, *orǫp* позволяет восстановить корень **ǰeti* как *ə₁emə₁-*, **ǰmāti* — как **ə₁emə₃-* [и среди нетематических глаголов: **ə₁es-* (**jesmь*, литов. диал. *esmi*), **ə₁eia_{1,3}-* (ср. литов. *eiti*, *eimi*)].

*

Подведем некоторые итоги. Среди рассмотренных глагольных образований можно выделить следующие структурные типы корней, каждый из которых обуславливает определенные интонационные, количественные и структурные отношения в праславянском:

I. АЕХ. Славянские отношения: **vesti*; *vedǫ*, *veděši*... — **voditi*, *vodǫ*, *voděši*...; *vodь*, отражающие **uedə|tēi*; **ued-*[*ǫ*, *eš i*...] — **uod|eia|tēi*; **uodǫ-*[*ǫ*], **uod|ei-*[*š i*]... Из рассмотренных сюда относятся корни: **pək-*, **tek-*, **geg-*, **tep-*, **ueg-*, **ued-*.

II. АЕУ. Славянские отношения: **pęti*; *pǫnǫ*, *pǫněši*... — **ponь*... , отражающие **penə|tēi*; **pen-*[*ǫ*, *ěš i*...]. Корни: **pen-*, **ten-*, **men-*, **gen-*, **gem-*, **ger-*.

III. АЕЗ. Славянские отношения **tǫjati*; *tǫǫ*, *tǫjěši*... — **tǫviti*; *tǫvǫ*...; *tavь*, отражающие **teə₂₋₃ə|tēi*; **teə₂₋₃[ǫ, eš i]* — **toə₂₋₃eia|tēi*... Корни: **seə₁₋*, **keə₁₋*, **deə₁₋*, **teə₁₋*, **beə₂₋*, **leə₂₋*, **meə₂₋*, **reə₂₋*, **meə₃₋*, *(*s*)*peə₁₋*, *(*s*)*teə₂₋*, **teə₂₋₃₋*.

IV. АЕУЗ.

1. АЕУэ. Славянские отношения: **vręti*; *vręǫ*, *vręjěši*... — **variti*, *varǫ*...; *varь*, отражающие **uerə₁ə|tēi*: > **ureə₁ə|tēi*; **uerə₁-[ǫ, eš i]* > **ureə₁-[ǫ, eš i]* — **uorə₁eia|tēi*:¹. Корни: **uerə₁₋*, **telə₁₋*, **perə₁₋*, **semə₁₋*, **kerə₁₋*,

¹ Несколько слов о причинах перестановки (в ступени -e-) и удлинения (в ступени -o-) в АЕУэ. Как известно, слав. -ert (т. е. -ert̃ и -erə't̃) противопоставлялось -erə't̃ интонационно (ср. подробнее J. Kurýłowicz, L'apophonie..., стр. 397—398). Этого противопоставления фонетически не могло быть в позиции перед гласным (-ere- и -erəe- = -e|re- и -e|rəe-), однако именно в этой позиции должно было быть выражено в презене различие между АЕУэ и АЕУ, АЕУэ'. При этом в типе АЕУэ рефлекс -erə- должен был противопоставляться не -er-, но, одновременно, -er (АЕУэ₃: **berǫ*) и -z-(АЕУ, АЕУэ₁: **pǫnǫ*, **mǫrǫ*), т. е. он не мог быть ни -er-(совпадает с АЕУэ₃), ни -ēr-(отличается от -er- на одну мору, но на две — от -z-). Такое положение привело к перестановке, где **rē|e-* по слогоразделу противопоставлено -e|re- и -|re. Напротив, в ступени -o- наличие -or- как в АЕУ (**pona*), так и в АЕУэ_{1,3} (**borь*, **morь*) вызвало к жизни -ōr-, отличающееся от -or- на одну мору, как *ō* (o + ə) от *o* (o, o + ə'). Таким образом, причина обоих процессов коренится в фонетических противопоставлениях, но сами процессы нельзя характеризовать как чисто фонетические.

*ġer₁-, *mer₁-, *ger₁-, *ġen₃-, *uel₂₋₃-, *pel₂₋₃-, *per₂₋₃-.

2. АЕУ₁а) АЕУ₁а'. Славянские отношения: *mèrti; *mьrġ, mьrèš'i... — *moriti; morъ (литов. *mir̃ti*), отражающие *mer₁ǰ|tei:, *mer₁'-[ǰ,eš'i] — *mor₁'|eiǰ|tei:. Корни: *mer₁-, *ken₁'-, *per₁'-, *ǰ'em₁'-; б) АЕУ₃ǰ'. Славянские отношения: *bьrati; berġ, berèš'i...; *borъ, отражающие *ber₃ǰ|tei: > *br₃ǰǰ|tei: ¹; ber₃'-[ǰ,eš'i]. Корни: *ber₃'-, *ġen₃'-, *per₃'-, *ser₃'-, *(s)tel₃'-, *der₃'-, *ġer₃'-, *ǰ'em₃'-.

Схематически вокализм типов с сонантом (II и IV) может быть представлен следующим образом:

Тип корня		Морфологическая категория		
		ступень -е-		ступень -о- (глаголы на -iti, существительные на -ǰ, -ǰ)
		инфинитив	презенс	
II	АЕУ	-er-	-ьr-	-or-
IV	АЕУ ₁ е'	-er-	-ьr-	-or-
	АЕУ ₃ ǰ'	-ьr-	-er-	-or-
	АЕУ ₃ ǰ	-rē-	-rē-	-ar-

Рассмотрение перечисленных типов позволяет реконструировать для раннего праславянского пять звуков, называемых здесь по традиции ларингальными². Три из них — ə₁, ə₂, ə₃ (акутирующие ларингальные), находясь непосредственно после гласного -е-, обуславливают акутовость соответствующего слога, удлинение гласного и его тембр; они акутируют и удлиняют гласный о-. Неакутирующие ларингальные ə₁' и ə₃' в позиции после сонанта препятствуют акутированию слога, что отражено в балтийском ударении, в славянском — перестановкой или совпадением с типом без ларингального. Обе разновидности ларингальных могут находиться перед гласным и в этой позиции определяют его тембр, а акутирующие, возможно, — и акутовость. Суммируем это в таблице.

Качество	Тембр		
	о	а	е
Неакутирующий, неудлиняющий	ə ₃ '	—	ə ₁ '
Акутирующий, удлиняющий	ə ₃	ə ₂	ə ₁

¹ Перестановка в *bьrati объясняется тем, что славянский циркумфлекс (в отличие от балтийского ударения, отражаемого литовским ~) мог указывать лишь на отсутствие акутирующих ə в слоге; поэтому отрезок -er₃'ǰ-, где «акутовость» ə не могла проявиться, был перестроен в -r₃'ǰ с акутом. Эта перестановка, следовательно, ближе подходит под определение «фонетическая».

² В статье автор стремился исходить при реконструкции этих звуков главным образом из славянского (и, частично, балтийского) материала. По мере возможности избегались ссылки даже на наиболее прочно установленные положения «ларингальной теории», поскольку в последнее время рядом исследователей многие ее выводы были поставлены под сомнение.

Определение положения этих звуков в фонологической системе представляет самостоятельную проблему.

*

Поскольку *-i-*, *-u-* являются такими же индоевропейскими сонантами, как *l*, *r*, *m*, *n*, очевидно, что все описанные типы корней могли иметь варианты АЕI, АЕU, АЕI_э, АЕU_э, АЕI_{э'}, АЕU_{э'}. Их положение в системе глагольных корней отличается от положения корней с другими сонантами в связи с проявляющейся в праславянском (как и в других индоевропейских диалектах) тенденцией к монофтонгизации дифтонгов на *-i-*, *-u*¹.

1. Некоторые из глаголов, представляющих корни на *-i-* (АЕI, АЕI_э, АЕI_{э'}), образуют своеобразный тип: а) *zъjati, zějъ «знять» (польск. *zrać, zieją*, ст.-слав. *zjati, zějъ*, серб. *zјati, zјim*; ср. др.-в.-нем. *gien*, лат. *hiare*); б) *smъjati, smějъ (русск. *смеюсь*, ст.-слав. *smijati se*); ср. латыш. *smēju*, др.-инд. *smāyate*; в) *ljъti, lějъ, контаминировавшее с *liti, ljъ; ср. ст.-слав. *ljati, lějъ*, но чешский инфинитив *liti*, польск. *lić* при презенсе чеш. *leji*, польск. *leje* (обобщение *-ě-* презенса в словацк. *lejem, liat*); ср. русск. *луть, лью*. Литовское противопоставление *lieti, lieju* (выравнено < *leju; ср. латыш. *leju*) «лить, поливать» [сюда же *lyti, lyju* «ядти (о дожде)»] — *liēti, lieju* «лить, расплють (металл)» показывает, что славянские формы отражают соответственно *lei- (*liti) и lei_э'- [*ljъti; этот корень восстанавливаем на основании литовского циркумфлекса, формы славянского инфинитива и русского ударения типа *на́лил, нали́л* (как *по́мер, померáл*), отражающего тип АЕI_э'₁, поскольку именно к этому типу должно было прийти *lei_э'₃, контаминирующее с *lei-] ².

Эти образования показывают, что если для АЕI мы имеем *liti, ljъ, во всем аналогичное *piti, рjъ, то в соответствии с *bъrati, беръ представлено *ljъti, lějъ с неожиданным *-ě-* в презенсе. Это *-ě-* объясняется своеобразным «предупредительным» морфологическим удлинением. Тип АЕI_э'₃ противопоставлялся типу АЕI, как АЕR_э'₃: АЕR и т. п., т. е. *lei- [ɔ]: *li_э-[ɔ], как *ber- [ɔ]: *pɔ-[-ɔ] («полная ступень»: «нулевая ступень»). Но с началом монофтонгизации (*lei- [ɔ] > *li- [ɔ]) это противопоставление могло сохранено только как *lei- [ɔ]: *li_э-[ɔ] ³.

Все остальные глаголы с корнями на *-i-* в презенсе и инфинитиве не отличаются от *liti, ljъ, что, однако, не значит, что все они представляют тип АЕU. Так, глагол *viti, vjъ (русск. *вить, вью*, серб. *viti, vјem*) имеет индоевропейские соответствия, указывающие на «тяжелый корень» (лат. *viēd, viēre* «плести», др.-инд. *vitás* «свитый»). Этот глагол совмещает два значения: «плести (венок)» (ср. *вить гнездо*) и «двигаться определенным способом» [русск. *витья* (о птице, змее), *взвиваться, извиваться*]; ср. элит. *sviva me svъre* «сжимается сердце», серб. *zaviја na srcu* — то же, и т. п. С этим связаны колебания в ударении в русских причастиях: *свилá* (гнездо), *обвилáсь, обвилáя, взвилáсь* и т. п. Все это указывает на наличие контаминации двух корней *uei_э'₁- (*взвилáсь*) и *uei- или *uei_э-. Последнее более вероятно, так как в соответствии с *biti, бjъ, где представлено русск. *зави́л, зави́ла, отви́л, отви́ла*, без колебаний имеем ирл. *benim* < *bināmi, указывающее на «тяжелый корень». С *uei_э'₁- же согласуются *žiti, žjъ (чеш. *žiti, žiji*, польск. *żyć, żyje*; *živъ в остальных славянских языках; ср. русск. *пржи́л, прожи́л* и т. п. и *piti, рjъ (русск. *пить, пью*, серб. *piti, pјem*); ср. русск. *пропи́л, пропи́л*, представляющие, следовательно, *gei_э'₁- (ср. др.-инд. *jīvati*)⁴ и pei_э'₁ (ср. др.-инд. *pitás*).

Таким образом, если для корней на *r*, *l*, *m*, *n* мы отмечаем совпадение типов АЕU и АЕU_э'₁, то в корнях на *-i-* и тип АЕU_э совпал с этими двумя. Причина — в невозможности здесь перестановки АЕYZ > АYEZ. Когда она проходила в других

¹ О причинах и хронологии процесса ср. F. Antkowskí, La chronologie de la monophthongaison des diphtongues dans les langues indo-européennes, Poznań, 1956. Гораздо позднее та же тенденция проявилась в славянских дифтонгах на *-n-*, *-m-*.

² Ср. еще *prъjati, прějъ (чеш. *práti, přeji*).

³ Иначе говоря, противопоставление $(x+i):i$ [как $(x+r):r$], где $x=1$ море, неизбежно преобразовывалось в $(x+x+i):i$ (или $x+i$), так как $x+i=i$.

⁴ Литов. *gýti* не противоречит *gei_э'₁-, оно отражает влияние *gývas*, как, например, лат. *vivere*.

типах, *-ei-* в АЕИЗ в связи с началом монофтонгизации уже представляло неразложимое единство; с завершением монофтонгизации, как только **beia-[ø] > *bi-[ø]*, совпадение с типом АЕУ стало полным¹. Результатом этого совпадения в формах, представляющих ступень *-o-*, явилось отсутствие противопоставления *ā. o* в ступени *-o-*. Здесь все виды корней представляются *-o-*: **bojь* (русск. *бой*), отражающее АЕIа, **voжь* (серб. *rovoj* «повязка»), **gojь* (др.-русск. *гой* «мир»), **gojiti* (серб. *gòjiti* «откармливать»), отражающие АЕIа₁, **lojь* (болг. *лой* «жир»), отражающее АЕI, **zojь* (русск. диал. *зой* «крик», *зоить* «громко кричать»; ср. *назыйливый*, как *выносливый*), отражающее АЕIа₃².

2. При рассмотрении славянских глаголов с корнями АЕУ, АЕУа', АЕУа, представляющих чрезвычайно запутанные отношения³, прежде всего бросаются в глаза инфинитивы с *-y-* в корне: **ryti*, **tyti*, **myti*, **vyti*, **byti*, **nyti*. Единственным источником слав. *-y-* принято считать и.е. *-ū-*, т. е. *u + ə*. В таком случае все эти инфинитивы представляют «нулевую ступень» огласовки, чем они отличаются от инфинитивов всех остальных типов на сонант [ср. **merti* (АЕУа₁'), **gerti* (АЕУ), перестановки в **znati* и **bьrati*, объяснимые только их ступени *-e-*], в том числе и от ряда инфинитивов с корнями на *-u* (например, **rjuti*).

Для того чтобы показать, что такая аномальность в действительности не существовала, необходимо остановиться на рассмотрении условий монофтонгизации славянских дифтонгов⁴ на *-i-* и на *-u-*. Как было указано выше, противопоставление *-ert* (= *-ert* и *-era't*): *-era't* стало в праславянском противопоставлением интонационным, когда *r = l, r, m, n*. Когда же *r = i, u*, процесс монофтонгизации привел к тому, что это противопоставление перешло в противопоставление интонационное и качественное, если элементами дифтонга были звуки разных рядов.

Действительно, если в долгих дифтонгах *eiā = e + iā > i:* (при *ei = e + i > i*) и в *oiā = o + uā > u:* (при *ou = o + u > u*) количественная неравноценность обеих частей дифтонга не изменяла его качества, так как эти части были звуками одного ряда, то *oiā = o + i* не могло дать тот же результат, что *oi = o + i* из-за преобладания в составе дифтонга элемента переднего ряда, а *euā = e + u* не могло совпасть с *eu = e + u* из-за преобладания элемента заднего ряда. Естественным, таким образом, является развитие **oiā > i:* при **oi > ě* (собственно 'ä, т. е. звук более задний, чем *i:*), окончательно установленное К. Мейером⁵. Так как *eu > ju* (собственно 'ü, аналогичное 'ä, компромиссный передне-задний звук), рефлекс **euā* должен был быть звуком более задним: как **oiā* совпало с рефлексом **iā*, дав *i:*, так и **euā* должно было совпасть с рефлексом **uā*, дав *u:*. Именно поэтому славянское **ju* могло быть только циркумфлексным; заметим, что в славянских грамматиках отсутствуют достоверные примеры на рефлекс **eu* (**euā*)⁶.

Эти соображения структурного порядка позволяют считать **ryti* и т. п. обычные инфинитивы, представляющими ступень огласовки *-e-* так же, как эту ступень представляет, например, **zvāti, zovō*, явно отражающее тип АЕУа₃', и **rjuti, rovō*, где *ju < *euā'* перед *-ə-* в *-ətei* (т. е. АЕУа₁'). Инфинитивы на *-yti*, следовательно, могут отражать либо АЕУ (*-euā'tei:*), либо АЕУа (*-euā'tei:*). Действительно, отчетли-

¹ А раз **beia-* не могло $> *bieā-$, корни этого типа потеряли всякую связь с «переставленными» **vrae₁-*, **grea₁-* и т. п. Напротив, в типе АЕIа₃ связь с **b rā₃-[ø]* и т. п. все время сохранялась, откуда «предупредительное» удлинение в презенсе и аналогичная перестановка **bjati, *zjati* по типу **bьrati* (то, что она не фонетическая, подтверждает **zjāti*, а не **žāti*, ожидаемое $< *gīā₃ē | tei: < *gēiā₃ē | tei:$.

² Ср. еще **kojь* (русск. *покой*) к *čiti, čьjō. *rojь* (русск. *пой*, серб. *rōj*), ср. др.-инд. *rāyas* «течение, поток», указывает на то, что **rējati, rējō* (русск. *рѣять, рѣю*) не отражает АЕЗ, а является преобразованием **rьjāti, rějō* (АЕIа₃) по этому типу; ср. еще др.-инд. *riyate* «двигается», подтверждающее корень на *-i-*.

³ Ср. С. h. Stang, указ. соч., стр. 46—49, где делается попытка связать славянские факты с балтийскими.

⁴ Термин «дифтонг» для указания, например, на *e + i* здесь так же условен, как обозначение «ларингальные».

⁵ См. К. Meyer, Slavische und indogermanische Intonation, Heidelberg, 1920, стр. 13—19 (со сводкой литературы и фактическим материалом). Интересно, что К. Мейер, не зная происхождения долгих дифтонгов, вынужден объяснять *ai: > i:* тем, что акутированная вторая часть дифтонга была «более сильной» (стр. 16).

⁶ Ср. W. Vondrák, Vergleichende Slavische Grammatik, Bd. I, Göttingen, 1924, стр. 41—42. Поэтому Я. Эндзелин предполагает «сокращение» *eu > eu* (о балтийских рефлексах см. J. Endzelin, указ. соч., стр. 40—41).

вые указания на оба эти типа имеются в ступени -о-: **toviti* (к **tūti*; ср. серб. *tòviti* «откармливать», *tvòviti* «от-кормить»), **rovъ* (к **rūti*; ср. серб. *ròv*, *ròva*, болг. *рòва*; литов. *ràvas* «могила») ¹ противостоят **nàviti* (к **nūti*; ср. чеш. *naviti* «утомить», русск. *она́виться* «измучиться»), **bàviti* (к **būti*; ср. также **slàviti*, **traviti*, **plàviti*). Очевидно, глаголы, имеющие -à- в ступени -о-, могут содержать только корни АЕУэ; тип же АЕУ отражен в **rūti*, **tūti* и еще **mūti* (русск. *мыть*); ср. латыш. *maūt* «плавать», **vūti* (русск. *выть*) < **veu-* (ср. греч. *αὐά* «кричу») ².

Все эти глаголы имеют единый тип презенса: **r̥jō* (русск. *рою*, серб. *r̥jē*), **m̥jō* (русск. *мою*, серб. *m̥jē*), **v̥jō* (русск. *вою*, болг. *ви́я*), **t̥jō* (укр. *тію*, серб. *t̥jē*), где требует объяснения неожиданная баритонеза. Если **r̥jūti* восходит к **r̥eu̯aitei-*, как **r̥ēti* — к **r̥enaitei-*, то **r̥jō* должно отражать **r̥u-*[*ō*], как **r̥uŋō* — **r̥g-*[*ō*], **žm̥ō* — **g̥m̥-*[*ō*], **ljō* — *l̥-*[*ō*], где «нулевая ступень» корня делает сонант слогообразующим, так что формы по-прежнему остаются двусложными. При этом, в то время как *ŋ-* может дать лишь -yl- (**r̥uŋō* — так же *č*, *š*, *ŋ*), -i- > v, -u- > o (без развития добавочного v): **lb-*[*ō*], **rb-*[*ō*], откуда **ljō*, **r̥jō* с развитием *j* в звинии. После падения редуцированных все эти формы фонетически должны были стать односложными, но морфологически все время существовало стремление к трактовке их как двусложных форм параллельно формам презенса во всех остальных типах глаголов. Двусложное **r̥uŋō* могло быть сохранено лишь как **r̥iŋō*, т. е. с нефонетическим «сильным редуцированным». Подобное преобразование особенно актуально шло на юге славянской области, где имеем, например, словен. *žanjem*, серб. *žanjem*, болг. *жъна*, словацк. *žnem* при диал. *žniem*, отражающем уже **žn̥ō*, как чеш. *žnu*, русск., укр. *жну* (ср. аналогичные колебания в серб. *tajem* при *trēm*). В типе **ljō* фонетически возникает напряженный *ь* > *i* по диалектам (**lijo*); возникающая полная огласовка, идентичная огласовке инфинитива, обуславливает более широкое распространение **lijo*: **ljō* отражает только русский язык (*лью*); ср. укр. *лію*, чеш. *liji*, серб. *lijem* и т. п. Наконец, в **r̥jō* с «напряженным *ь*» (**r̥yjo*) форма **r̥jō* (**r̥jō*) совершенно не получила распространения, так как она (в противоположность **r̥jō*, *r̥jō*) расходилась с остальными формами глагола. Отсюда русск. *рою*, укр. *рію*, серб. *r̥jē*.

Поскольку **eu̯a* > *y*, но **eu̯a*' > *ju*, инфинитивы типов АЕУ и АЕУэ' совпасть не могли, и было сохранено их различие в презенсе, утраченное во всех остальных корнях АЕУ и АЕУэ'. Действительно, при **r̥juti* имеем презенс **rovō*, *reveši* (ст.-слав. *rovō*, *roveši*, русск. *реву́*, *реёшь* с противоположным направлением выравнивания), аналогичный **zovō*, *zeveši* в АЕУэ' (т. е. первоначальный вокализм презенса в АЕУэ' — ступень -e-, так же как в АЕУе'). Монофтонгизация **eu̯a*' > *ju* привела к такому резкому противопоставлению вокализма (**ju* — **ou*, *eu*) и консонантизма (изменения перед -j-) инфинитива и презенса, что не могли не последовать выравнивания (для **r̥juti*, *rovō*... ср. русск. *реёшь*, польск. *rzuc*, *rzuję*, в.-луж. *ruc*, *ruju* и т. п.).

Развитие шло одновременно в двух разных направлениях: с одной стороны, тип **r̥juti*, *rovō* стремился примкнуть к типу **zvatati*, *zovō* ³ на основании общности вокализма презенса, т. е. устранить огласовку инфинитива -ju-, с другой — эта огласовка инфинитива -ju- (с соответствующими изменениями согласных) стремилась распространиться на презенс, т. е. устранить там сходство с типом **zovō*. В результате имеем: а) **geu̯a*'₁: **žvāti*, *žujō* (ст.-слав. *žvati*, *žujō*, русск. *жевать*, *жуёб*, словацк. *žat'*, *žujem*); ср. др.-в.-нем. *kiuwan*; б) **reu̯a*'₁: **pl'vāti*, *pl'ujō* (русск. *плевать*, *плюёб*, ст.-чеш. *plvati*); ср. др.-инд. *rāvate* «очищает»; в) **beu̯a*'₁: **bl'vāti*, *bl'ujō* (русск. *блевать*, *блюёб*). Во всех трех случаях инфинитив сохраняет следы перестройки: *ž-*, *pl'-*, *bl'-* вместо **g-*, *p-*, *b-* (**zvatati*, **gzatati*), а презенс обобщил вокализм инфинитива, сохранив окситонезу. К типу АЕУэ' относится еще слав. **obūti*, *obujō* (русск. *обуть*, *обую*), где параллельно с распространением вокализма инфинитива распространилась и баритонеза; глагол содержит корень **ə₃eu̯a*'₁- (без ə), как показывает литов. *aūti*.

Остается описать тип АЕУэ. В связи со ступенью -о- типа **bàviti* выше приводились формы **traviti*, **plaviti*, **slaviti*, для которых обычно восстанавливают **truti*, **pluti*, **sluti*, т. е. инфинитивы, как будто не сопоставимые с **buti*. Действи-

¹ И, вне корней рассматриваемых типов, **krovъ* (к **krūti*; ср. русск. *кров*, *покрѡв*).

² Ср. еще *ryl*, *ryla*, *proryl*, *proryla*, параллельное *m̥yl*, *m̥yla*, *zam̥yl*, *zam̥yla* (АЕУ).

³ Так как нигде АЕУэ' не представлял особый тип (ср. совпадение АЕУэ' с АЕУ), что естественно для типа с «нулевой фонемой».

тельно, на такие формы указывают др.-русск. *трути*, польск. *truć*, н.-луж. *truś*; ст.-слав. *pluti*, словен. *plúti*, чеш. *plouti*; др.-русск. *слути*, словен. *slúti*, чеш. *slouti*. Все эти образования, однако, легко объясняются обобщением вокализма презенса **trovǫ*..., **plovǫ*..., **slovǫ*... (ср. распространение *-ov-* во всей парадигме), чего нельзя сказать о вокализме форм русск. *плыть*, укр. *плисти́*, белор. *плыць*; русск. *слыть*, укр. *сліти*, белорус. *слыць*¹ (ср. производные на *-nǫ-*: ст.-чеш. *slynouti*, польск. *ślynać*, *ślynać*). Такие формы могут указывать лишь на парадигму типа **plūti*; *plovǫ*, *plevěši*... с закономерным *y < euǫ* в инфинитиве. Различие презенса **plovǫ* и презенса **rǫǫ* обусловило соответствующее противопоставление **plav-* — **rov-* в ступени *-o*².

*

Итак, корни на *-i-* и *-u-*, представляя ряд особенностей, связанных с особым положением этих сонангов, отражают те же типы корней:

II. АЕУ. **lei-*, **reu-*, **teu-*, **meu-*, **geu-*.

IV. АЕУЗ. 1. АЕУǫ. **beiǫ-*, **neiǫ-*, **beuǫ-*; 2. АЕУǫ'. а) АЕУǫ'₁. **ueiǫ'₁*-, **geiǫ'₁*-, **reiǫ'₁*-, **reuǫ'₁*-, **geuǫ'₁*-, **peuǫ'₁*-, **beuǫ'₁*-, **ǫ'₃euǫ'₁*-; б) АЕУǫ'₃. **geiǫ'₃*-, **leiǫ'₃*-, **(s)meiǫ'₃*-, **reiǫ'₃*-, **geuǫ'₃*-, **reuǫ'₃*-.

Корневой вокализм этих глаголов показан в следующей таблице:

Тип корня		Морфологическая категория					
		ступень <i>-e-</i>		ступень <i>-o-</i>			
		инфинитив					презенс
II	АЕУ	<i>-ei-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-ь-</i>	<i>-ѣ-</i>	<i>-oi-</i>	<i>-ou-</i>
IV	АЕУǫ' ₁	<i>-ei-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-ь-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-oi-</i>	<i>-ou-</i>
	АЕУǫ' ₃	<i>-ei-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-ēi-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-oi-</i>	<i>ou-</i>
	АЕУǫ	<i>-ei-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-ь-</i>	<i>-eu-</i>	<i>-oi-</i>	<i>-āu-</i>

¹ Откуда *-y-* проникает в презенс: ср. русск. *плыу́*, *слыу́* с *-v-* и окситонезой старых **plovǫ*, **slovǫ*.

² **rǫǫ* (русск. *ною*) вместо ожидаемого **novǫ* объясняется отталкиванием от **novь*, *-noviti* (русск. *обновить* и т. п.); как показывает пример **plyti* и т. п., противопоставление *-y-* в инфинитиве: *-ov-* в презенсе не представляло устойчивой пары. Ударение причастий русск. *плы́л*, *плы́л*, *уплы́л*, *уплы́л*, как (*но*)*звѣл*, (*но*)*звал*, вместо **плыл*, *плыла* связано, вероятно, с совпадением **p'ovǫ* — **zovǫ*; тип *пробы́л*, *пробы́л* Развился в результате отталкивания от проникшего в сферу **byti* *забы́л*, *забы́л*: * *пробы́л*, *пробы́ла* > *пробы́л*, *пробы́л*, примкнув, таким образом, к типу *пробы́л-а*, *бнпер-л-а*.